

Къ друзьямъ  
Въ часъ разлуки.

Простите, милые друзья души моей!  
Простите вы, невинны наслажденья!  
Разочарованный душой,  
Не зрю я утѣшенья. . .

О жизнь счастливая — близъ сердца ми-  
лыхъ жить!  
Какъ роза дровъ въ шѣни, ты оцвѣ-  
таешь;  
Какъ молнія средь тучъ бле-  
стишь:  
Блещишь — и исчезаешь. . .

Такъ, милые мои! въ далекой сторонѣ,  
Въ кругу людей безвѣстныхъ, сердцу  
чуждыхъ,  
Готовитъ рокъ обитель мнѣ,  
И скорбь, и жизни нужды.

Напрасно Май сойдетъ блистательный съ  
небесъ,  
Душистый знакъ покроетъ доль, по-  
ляны —  
И заиграетъ синій лѣсъ  
Въ струяхъ рѣки стеклянныхъ!

Вечерній вѣтерокъ, свѣзая ароматы  
Съ цвѣтшыхъ, съ травы, весною ожив-  
ленной,  
Не принесетъ душѣ опрять,  
Ошъ милыхъ удаленной. . .

Напрасно сладостнымъ журчаніемъ ручей  
Подъ сѣнію прохладныя дубравы,  
И нѣжнымъ пѣньемъ соловей,  
Манять вкусить забавы! .

Лишь Цинтія взойдетъ на тихій неба сводъ  
И лучъ ея сольется дровъ съ пѣнями,  
И озластитъ кристаллы водъ,  
Спруимыхъ вѣтерками —

Любезные друзья! медлительной стопой  
Пойду блуждаю безъ васъ — подъ  
кровомъ ночи;  
И все, вокреснувъ предо мной,  
Представится предъ очи:

И садъ, куда идемъ бывало мы дышать  
Свободою, пишемся ароматомъ,  
Гармоніи пѣвцовъ внимать,  
Прельщаться днязакашомъ; —

Смотрѣшь, какъ розовой подернеть пе-  
леной

Заря и край небесъ, и древь дале-  
кихъ стѣни, —

И ночь со шверди голубой  
Сведешь прохладны стѣни.

Здѣсь мы, предавшись приятнѣйшимъ  
мечтамъ,

Всѣ горести забвенью предавали;  
И лучъ блисталь надежды намъ —  
Блаженство мы вкушали...

И холмъ, котораго на скамисномъ челѣ  
Сидѣли мы, склоняя взоръ на воды,  
Гдѣ въ чистомъ, какъ сафиръ,  
стеклѣ

Небесъ дрожали своды. . .

Такъ, милые друзья, все въ памяти моей  
Я оживлю: и страхи, и желанья,  
И наши планы въ жизни сей,  
И сладкія мечтанья! . .

Ахъ! можешь быть, теперь въ послѣдній  
разъ смотрю  
На васъ, друзья — на васъ, столь серд-  
цу милыхъ;



Ахъ! можешь быть, въ ночь  
край лечу,  
Гдѣ скроюсь въ мракъ мо-  
гилы! . .

Но, горестная мысль, оставь — оставь  
меня!

Что рокъ судилъ, пусть будетъ то  
со мною!

На все готовъ, когда друзья  
Лезахъ за мной душою. . .

Простите, милые! настала разлуки часъ!.,  
Пусть ваша жизнь въ весельи про-  
текаетъ;

Пусть навсегда священный въ  
насъ

Огнь дружества пылаетъ!.

*Николай Савостьяновъ.*

---



Отрывокъ

Изъ посланія къ Н. . . .

Не правда, милый другъ, чтобъ счастье  
обишало

Въ чертогахъ мраморныхъ, среди прох-  
ладъ и нѣгъ;

Повѣрь, его тамъ нѣтъ и вѣчно не бывало!

Богачъ несчастнѣйшій на свѣтѣ человѣкъ.

Самъ Крезъ, безчисленныхъ сокровищъ об-  
ладатель,

Вздыхалъ и слезы лилъ украдкой отъ  
людей,

И скука, городовъ всегдашній обитатель,

Сосала грудь его, какъ ядовитый змѣй.

Неронъ на высотѣ величія и славы,

Какъ и злодѣй въ цѣняхъ, не могъ спокой-  
нымъ быть.

Такъ, гласа совѣсти ни шипла величавы,

Ни славы громкой звукъ не можешь за-  
глушить.

На чтожъ облакивать себя, мой другъ,  
мечтами,

И лестной участи завидовать Царей?

Какое счастье повелѣвать рабами —

И быть презреннѣйшимъ рабомъ своихъ  
страстей! . . .

Кто можешь управлять собой — стра-  
стями своими,

Тотъ только истинно счастливый чело-  
вѣкъ.

Какъ дремлющій ручей подъ ивами гу-  
стыми,

Такъ въ безмятежности его шепчетъ ве-  
сѣвъ.

О участь мудраго! кому ты не зави-  
дна?

Кто наслаждается такъ жизнью, какъ онъ?

. . . . .

Въ уединеніи живя съ одной природой,  
Среди безчисленныхъ красотъ и про-  
стошъ,

Онъ наслаждается душевною свободой;

Его не шягощаютъ оковы суеты;

Богатства, почести имъ на всегда забыты

И слава громкая — звукъ для него пу-  
стой;

Уютный домикъ свой, соломою покры-  
тый

Не промѣняешь онъ на замокъ золотой.

„На что — онъ говоритъ — мнѣ замки золотыя;

„Владѣть богатствомъ, быть Вельможей —  
гордецомъ —

„Спокойство на мечты мнѣ промѣняя  
пустыя!

„Благополучіе въ спокойствіи одномъ.“ . . .

“ . . . . .

*И. Гонорскій.*

---



КЪ А. В. Склбвскому.

Пришла весна: холмы и нивы  
Одѣлись зеленью молодой;  
Въ долинь лѣется токъ лѣнивый,  
Зефиръ играетъ надъ водой.

Отъ лика раннѣй зарницы  
Пылаешь въ розахъ край небесъ;  
*Златыя соловьевъ цѣвницы*  
Манятъ ушѣхи въ темной лѣсѣ.

Но другъ мой! ни луга шелковы,  
Ни блескъ смѣющихся небесъ —  
Ни что не рвешь тоски оковы,  
Моихъ не осушаетъ слезъ.

О другъ мой нѣжный! жизнь земная  
Однѣ мнѣ горести сулитъ. . .  
Съ побой я цвѣль. . . мечта злая! . .  
Увы! насъ даль шеперь дѣлитъ. . .

Въ тебѣ мнѣ счастье улыбалось:  
Я къ сердцу друга прижималъ;  
Душа моя съ твоей сливалась. . .  
И вдругъ — лучъ радости пропалъ! —

Теперь, мечтою окрыленный,  
Люблю летать за край земной,

И для души моей сѣбснейшей  
Искать тамъ сладостный покой.

Лишь факель лунный засверкаетъ  
Въ волнахъ кристальнаго ручья —  
Твой другъ одинъ въ поляхъ блуждаетъ,  
И стонешь съ пѣснью соловья. . .

О время! дни счастлицевъ ясны  
Не истребляй своей косою;  
Но ты сожги мои несчастны;  
Кропимые шоски слезой! . .

Бышь можетъ, другъ мой незабвенной  
Къ могилѣ нѣкогда придетъ,  
Цвѣтущимъ дерномъ покровенной, —  
Гдѣ другъ его на вѣкъ уснетъ. . .

Такъ! онъ придетъ. . . цвѣтовъ ды-  
ханье,  
Вѣнчающихъ могильный холмъ,  
Въ немъ оживишь воспоминанье  
Тѣхъ чувствъ, какихъ къ нему я полнъ!..

*Н. Савостьяновъ.*

---

Элегія.

Къ лирѣ.

Какъ луна изъ дымныхъ тучъ,  
Ликъ свой выставить печальный,  
И ея дрожащій лучъ  
Озарить потокъ кристальный:  
Лира — другъ души моей!  
Удали сердечны муки;  
Проясни игрой своей  
Духъ мой, вянущій отъ скуки! . . .  
Кто заглянешь въ уголокъ,  
Гдѣ печаль живешь со мною? . . .  
О жестокой, строгой рокъ!  
Всѣхъ, кого люблю душою,  
Всѣхъ отъ сердца оторвалъ! . . .  
Но и въ сей я жалкой долѣ  
Дни надеждой озлащаль:  
Вотъ ко мнѣ отъ милыхъ вскорѣ —  
Думалъ — вѣсти долежать,  
Съ ними — горести забвенье;  
Скоро грусть, тоску смѣняшь —  
Думалъ — радость, наслаждение. . .  
Чтожь? за днями съ быспрошой  
И недѣли пробѣжали —  
Вѣсти нѣтъ. . . въ душѣ моей  
Нерѣдѣшь мракъ печали! . .



Я ударилъ по струнамъ: —  
Звонъ, несися вѣтерками!  
По долинамъ, по холмамъ;  
Вторься рощами, лѣсами.  
И во слухъ влети друзей!  
Ахъ! проникни въ душу милыхъ.  
Ты гармоніей своей;  
Пусть хоть тѣнь минутъ счастливыхъ,  
Кои нѣкогда провелъ  
Я близъ милыхъ, незабвенныхъ,  
Хоть бы тѣнь одну узрѣлъ —  
Сладку тѣнь минутъ блаженныхъ! . . .  
О друзья! когда вашъ гласъ  
Мнѣ, какъ филомелы пѣнье,  
Въ душу влившись, скорби часъ  
И сердечное томленье:  
Въ сладость счастья претворить:  
Какъ въ одеждѣ пурпуровой  
На востокѣ день горить, —  
Былъ бы духъ мой въ жизни новой.  
Звонъ — опливъ души моей!  
Прележи же разстоянье;  
Ахъ! коснись души друзей:  
И прерви ты ихъ молчанье! . . .

*Н. Савостьяновъ.*

---

Идиллія.

Приятность береговъ.

(Подражаніе Леонарду.)

Въ часъ вечера, — когда послѣдни искры  
день

На небѣ тихомъ угашаетъ,  
И крадется вдали задумчивая тѣнь,  
И море засыпаетъ —

Сидя надъ берегомъ, смотрю, какъ ко-  
рабли

Летятъ, пучины разсѣкая;  
И взоръ за ними въ слѣдъ, исполненный  
шоски,  
Лепитъ, ихъ провожая.

Въ волненьи сладостномъ, съ унылою ду-  
шой —

Какъ пѣснямъ тихой Филомелы —  
Внимаю, какъ поетъ, одушевленъ мечшой,  
Пловецъ вдали веселый.

Завидую судьбѣ его; въ душѣ моей

Тогда являются мечшанья;  
И слезы сладкія лѣются изъ очей,  
Какъ жертва воспоминанья. ....

Тогда и зыби водъ, подернуты зарей,  
И легкій вѣтерокъ вечерній,  
И чолнъ, качаемый у берега волной,  
Какъ будно оживленны —]

Зовуть меня скорѣй покинуть мрачный  
берегъ!

И, мнитъся, я несомъ волною; —  
Вокругъ пучина водъ, и берегъ вдали из-  
чезъ, —  
И небеса надъ мною. . . .

Когдажъ гроза, какъ ночь, нависнетъ надъ  
водой,

И море хляби отверзаетъ,  
И блѣдна молнія, вѣющая браздой,  
Гробъ влажный освѣщаетъ; —

Тогда смотрю на лугъ, одѣтый муравой,  
Гдѣ льются тихо легки волны,  
Гдѣ въ зеркалѣ рѣчья, поникнувши главой,  
Глядятся миршъ зеленый.

Тамъ все — веселіе душѣ моей сулитъ;  
Мечта незримо прилетаетъ:

Опять надежды лучъ безвѣстну даль зла-  
титъ,

И тайный гласъ вѣщаетъ:



Счастливы, кто не гонясь за счастьемъ,  
по волнамъ,

Дни посвящая любви, веселью —

Какъ вѣрный ручеекъ всегда своимъ бре-  
гамъ —

Живетъ подъ опчею сѣнью ;

И слушаетъ, въ мечты приятны погру-  
жень ,

Какъ тихо рой жужжитъ игривый,

Какъ шепчетъ вѣтерокъ, въ цвѣты весны  
влюбленъ,

Иль плещетъ токъ лѣнивый!

*И. Золотаревъ.*

---

И д и л л ѣ я.

(Изъ Беркеня.)

Зафиры тихіе изъ рощи сей летите,  
Или на лиліяхъ, на розовыхъ листкахъ;  
Эфирнымъ крылышкомъ покрывшись, здѣсь  
усните! . .

Малютки пшашечки, висящи на вѣтвяхъ  
Душистыхъ лиръ молодыхъ и тополей свѣ-  
нистыхъ,

Умолкните — престаньте щебетать!  
Вы, пастушки, къ брегамъ сихъ водъ проз-  
рачныхъ, чистыхъ

Спада свои не смѣйте пригонять!

Пасите ихъ въ долинахъ отдаленныхъ,  
Чтобъ ихъ блеяніе и вашихъ звонъ роговъ  
Не достигалъ сихъ мѣстъ свя-  
щенныхъ! . .

Закройся Фебъ завѣсой облаковъ!

Умѣрь свой жаръ, огонь погаси палящій,  
Волшебной рощи сей съ прохладою слѣйся!..

Вы, эхи мшистыхъ скалъ шумящи,  
Усните, въ глубинѣ пещерной прихаясь!  
Лишь ты одинъ, пѣвецъ природы несрав-  
ненный,

Сокрывшійся въ тѣни густой вѣшвей,

Нѣжнѣйшимъ чувствіемъ любви одуше-  
ленный,

Издалека плѣняй гармоніей своей, —

Въ окрестности разлей очарованье!

А ты, ласкающій сей свѣжій дѣрнѣ,

Прохладный шокъ, прерви свое жур-  
чанье, —

Среброчешуйчатыхъ сравняй поверхность  
волнъ!

Пусть нѣгой, тишиной въ природѣ все  
вѣщаетъ:

Въ долинѣ сей Филлида отдыхаешь!

*А. Склабовскій.*

---



И д и л л і я.

Дафна и Коридонъ.

(Изъ Карпинскаго.)

„Что за страна! . . . копябъ одна овеч-  
ка шутъ

Красивая была:— всё тощи, изнуренны;  
Древа печальные не прямо здѣсь растутъ,—  
Обнажены, къ землѣ склонились, искрив-  
ленны;

Мелькаетъ изрѣдка поблекнувшій листокъ,  
Со шрепешомъ съ вѣтвей изсохшихъ об-  
лешая;

Одинъ въ лугу шумить уныло мутный  
токъ,

И крики птицъ, порой дубраву оглашая,  
Смѣшавшись съ шумомъ волнъ, вливаютъ  
въ сердце хладъ. . .

Для сходства вѣрнаго съ угрюмостью  
природы,

Здѣсь люди, какъ древа, какъ овцы, пти-  
цы, воды.“—

Такъ Дафна говоришь, потупя смутный  
взглядъ. . .

Унылый Коридонъ , сокрывшись межъ  
кустами,  
Неправымъ жалобамъ съ волненіемъ вни-  
малъ;  
Любя прелестную, любимымъ бытъ желалъ;  
Тоску въ груди пая, слезъ съ полными  
очаи,  
Глубоко воздохнувъ , ей говоришь въ от-  
вѣтъ:  
О Дафна! помню я, какъ въ первой разѣ  
явилась  
Ты — къ удивленію всѣхъ — въ окрест-  
ности сихъ мѣстъ; —  
Здѣсь искра первая мнѣ въ сердце зарони-  
лась. . .  
Твой взоръ прелестнѣйшій, румяныя уста,  
Какъ роза юная, и сладкое смущенье —  
Все въ страстную грудь мою вливало на-  
слажденье, —  
Казалось, льстило все надеждой мнѣ тогда..  
Исчезъ прелестный сонъ! . . теперь и  
воды чисты,  
Брега, и пѣнье птицъ, и деревья стѣнны —  
Все измѣнилось, о Дафна! для тебя. . .  
Что сдѣлали тебѣ спада овецъ невинныхъ,  
Волнистыхъ, бѣлинькихъ, какъ снѣгъ, ба-  
рашковъ смирныхъ? . .

Средь луга злачнаго они здѣсь — у ручья,  
На сочной муравѣ — пасутся всѣ покойно;  
Изъ спада въ стороны не бродятъ свое-  
вольно;

Отгадываютъ все, что — только ска-  
жешь имъ,

По знаку пастуха, всѣ слѣдуютъ занимъ:  
Покорноспѣ любящъ, — власпѣ его для  
нихъ священна!

Прекрасна тополь! ты для Дафны  
искривленна! . . .

Подъ сѣнью твоей — при ушренной зарѣ,  
Какъ солнце первые лучи воспламеняешь,  
Иль искры гаснущи какъ сыплешь по горѣ —  
Миршилъ прелестную Клориду воспѣваетъ.  
И здѣсь, на мураву душистую склонясь,  
Пастушка юная, дня зноемъ утомленна,  
Покоится, твоей прохладою плѣняясь. . .  
Прекрасна тополь! ты для Дафны искрив-  
ленна! . . .

О рощи тихія! вы — пастуховъ пріютъ,  
Жилище милыхъ птицъ, — звѣрей без-  
вредныхъ, крошкихъ!

Вы мнѣ свидѣтели, — какъ часто, сидя  
шутъ,

Я Дафну воспѣваль... и отголоски звонки



Здѣсь именемъ ея мой улаждали слухъ!  
Н-благодарная! презрѣла все, забыла! . .  
Сбѣисшы рощи! вась природа чувствъ  
лишила —  
И вы счастливы тѣмъ! но какъ мой сму-  
шень духъ! . .

Зеленый чижики сей — лишь небо  
заалѣетъ —  
Бывъ ушра юнаго дыханьемъ возбужденъ,  
Искусству пѣшь самой природой наученъ, —  
Для сѣрой самочки поешъ онъ, какъ у-  
мѣетъ. . .  
И неизмѣнную хранишь онъ вѣрность къ  
ней: —  
Онъ любить въ рощицѣ одну изъ всѣхъ  
вѣшней,  
На коей милая сномъ тихимъ засыпаетъ;  
Здѣсь посидѣть, попѣть — всегда онъ  
прилетаетъ. . .  
Лишь погасать начнушь звѣздъ блѣдные  
огни,  
Проглянетъ лишь разсвѣтъ, мглу изрѣ-  
дитъ густую —  
Онъ пѣсню радости приѣмствуетъ дра-  
гую,  
И снова ей швердитъ о пламенной любви..

Она плѣняется сей жертвою сердечной—  
И вѣдай милаго любишь клянешся  
вѣчно! . .

Прелестный, тихій токъ, съ свер-  
каньемъ въ берегахъ,  
Покрытыхъ зеленою, цвѣточками, журча-  
щей!

Какъ сладостно смотрѣть, когда въ тво-  
ихъ водахъ

Съ зарей холмы, дѣва и небеса горящи;  
Какъ въ зеркалѣ, блестятъ! но мутнымъ  
названъ ты! . .

Забыты Дѣною твои всѣ красоты;  
Своей ты свѣтлостью ее ужъ не плѣняешь;  
Хотя по прежнему ты, какъ серебро, ще-  
чешь,

По прежнему берега цвѣтушчіе ласкаешь.  
Всѣ-оживляющею вокругъ прокладу льешь.  
Пусть въ роцѣ дождь шумитъ, при завыва-  
нью бури!

Ты изъ своихъ береговъ не выступишь род-  
ныхъ,

Чтобъ, измѣнивши имъ, искать въ дали  
другихъ; —

Гроза минетъ — въ тебѣ вновь свѣтитъ  
блескъ лазури!

Такъ, Дафна! въ сей странѣ куда ни  
кинешь взглядъ,  
На всемъ зришь вѣрности священную пе-  
чатку.  
Для сходства точнаго съ сей прелесною  
природы,  
Здѣсь люди, какъ древа, какъ овцы, пи-  
щы, воды. . .  
Въ томъ краѣ, первые гдѣ провела ты дни,  
Быть можешь, пастухи прекрасны оби-  
тають,  
Прекрасно, можетъ быть, любовь изобра-  
жаютъ;  
Но сильно такъ ее не чувствуютъ они...  
А если чувствуютъ, — конечно, не на-  
долго;  
(Ахъ! вѣрныхъ, искреннихъ любовниковъ  
не много!)  
Любовь здѣсь божество, у нихъ она—раба.  
Они блескъ роскоши и шумъ градской  
любя,  
На городъ часто лугъ и сельской кровь  
мѣняютъ,  
И ядомъ хитрости намъ сердце отпра-  
вляютъ. . .  
Мы здѣсь проводимъ вѣкъ въ невинной  
простотѣ;



Здѣсь вѣрность есть — любовь, любовь  
же — добродѣтель!

Коль скажетъ паспушокъ: *мила мнѣ* —  
красотѣ, —

Не нужны для нее ни клятва, ни свидѣ-  
тель. . .

Сердечнымъ чувствіямъ его премѣны нѣтъ;  
Измѣнишь хоть она — онъ вѣрнымъ ей  
умреть! —

А. Склабовскій.

---



Вспорхнувъ, летишь .. по вѣянью своимъ  
Спрюишь повонокъ, зарей блестящей,  
То по полю на легкихъ онъ крилахъ  
Съ невинной ртзвостью порхаешь,  
То на лугу, розъ прихая въ кустахъ,  
Небрежно съ листьями играешь.

Непроницаемой тьмы черной плодъ —  
Сны, ночи смутники, глухѣе, —  
Въ томъ часъ, какъ ны являсь изъ водъ,  
На долъ проспрещъ лучи златые, —  
За ночью въ слѣдъ, какъ смутный рой,  
шумящъ;  
Узря вдали твоей блескъ прекрасной,  
Въ смятеніи къ Плутону въ адъ спѣшащъ,  
На спражу въ мрачной домъ ужас-  
ной. . .

Ужъ въ рощахъ, на поляхъ творенья  
всѣ,  
Дыханьемъ жизни одаренны,  
Привѣтствуя лещащій день въ красѣ,  
Спѣшащъ на лажить, восхищенны. . .  
Одной тебя здѣсь, юна Хлоя, иѣтъ, —  
Тебя — прелестное творенье,  
Очей моихъ очарованье, свѣтъ,  
И сердца жизнь и наслажденье! . .



О вѣтерокъ, любимый сынъ весны!

Украся, другъ мой легкокрылой,  
Цвѣточками молодыми сей сны,

И посиѣй въ долину къ милой —  
Туда, гдѣ въ снѣ кустарника склонясь,  
Она сномъ тихимъ поживаетъ, —  
Гдѣ, въ легкую воздушну цѣпь свѣясь,  
Мечтаній рой надъ ней лешаетъ!

И ты, — то вокругъ рѣсницъ ея порхай,  
Ихъ трогай вѣяньемъ легчайшимъ,  
То алыя уста ея лобзай

Любви лобзаніемъ сладчайшимъ. . .  
Рѣзвись, пока прелестна Хлоя свой  
Откроешь взоръ, какъ утро, ясной—  
И новой все вокругъ себя зарей,  
Блеснувши, озаритъ прекрасной. . .

Проснется лишь — шепни тихонько ей:

Давно ужъ воспекла зарница  
На сводъ небесъ изъ голубыхъ зыбей,

И скоро явится денница; —  
Беспечная! не жди ея лучей;

Спѣши съ роскошной встать постели,  
Что бы въ тебѣ другую мы скорѣй  
Зарницу свѣтлую узрѣли! . . .

*А. Склабовскій.*

---

Вечерняя звѣзда.

(Изъ Оссіана.)

Вечерняя звѣзда, подруга тихой нощи,  
Катающаяся, въ одеждѣ золотой  
Межъ легкихъ облаковъ, по тверди голубой!

Что здѣсь средь мирной рощи  
Плѣняешь твоей унылой взоръ?  
Утихло все — и мгла густая,  
Спустившись съ высоты, легла на цѣпи  
горъ;

И вѣтры дня, съ покорностью внимая  
Всеобщей тишинѣ, молчатъ;  
И ручейки чуть — чуть журчатъ,  
Сномъ тихимъ усыпленны;  
И море улеглось подъ кровомъ облаковъ;  
И волны, бурей утомленны,  
Ласкаются у береговъ;  
И насѣкомыхъ рой, носящійся надъ мною  
На легкихъ крылышкахъ, жужжаніемъ  
своимъ

Какъ бы зоветъ къ покою;  
И все въ молчаніи подъ сумракомъ гу-  
стымъ;

Все сонъ объялъ — сынъ тихой нощи:  
И злачныя поля, и молчаливый боръ. . .

О лучезарная! что здѣсь средѣ мирной  
реши

Плѣняетъ твой унылой взоръ?  
Но ты съ поспѣшностью за горизонтъ  
капишься;

Послѣдній лучъ твой на морѣ сколь  
зиль!

Какъ волны радостно вокругъ тебя стека  
лися

И омывають твой прелестный видъ,  
Блестящіе власы и очи воспламененны! ..

Но твой тусклѣешь свѣтъ; темнѣй,  
темнѣй —

И ты сокрылася въ предѣлы отдаленны.  
Прости прелестная! пусть огонь души  
моей

Въ замѣну твоего сіяетъ,

Предметы *милы* представляетъ

И все живошворитъ.

Я чувствую, какъ онъ съ волшебной  
силой

Во мнѣ разлившиися горитъ;

Я зрю: надъ тихою могилой,

Въ покровѣ облачномъ несется рядъ твоихъ  
Съ улыбкою небесной,

Безцѣнныхъ для меня, моихъ родныхъ,  
друзей,



Угасшихъ въ цвѣтѣхъ лѣтъ съ весною скор-  
рочечной.

Я вижу васъ, друзья! но сколько переменъ  
Мой изумленный взоръ встрѣчаетъ?

. . . . .

Какъ образъ вашъ меня прельщаетъ!

Ахъ! скоро ли удѣлъ мой будетъ облегченъ?

Когда соединюся съ вами.

О милые друзья?

Вся жизнь печаль моя

Тернистыми путями;

Но гдѣ отрада?... и когда

Мой скорбный духъ покоемъ насладится?

Сего дняжъ, можешь быть, и жизнь моя  
затмится,

Какъ свѣшная вечерняя звѣзда.

*Н. Петровскій.*

---

Р о м а н с ъ.

(Подраж. Карпинскому.)

По долинь льется шокъ;  
Розы пурпурны горятъ;  
Тихо вѣешь вѣтерокъ;  
Томно яворы шумятъ;

Ппички пѣньемъ нѣжатъ слухъ, —  
Ропотомъ — струи ручья. . .  
О Алина, милой другъ!  
Здѣсь тобой былъ счастливъ я! . . .

Лишь заря въ струяхъ блеснешъ,  
Вкругъ съ волшебной тишиной  
Вечеръ сумракъ разольешь —  
Ты ужъ въ рощицѣ со мной.

Я твоей сладкой слышалъ гласъ,  
Къ сердцу друга прижималъ;  
Непримѣнно мимо насъ  
Тихой вечеръ пролеталъ.

Ночь мгновеньемъ намъ была;  
Не касался вѣжды сонъ:  
Прочь любовь его гнала —  
Тотъ не дремлетъ, кто влюбленъ! —

Разспавались, какъ разсвѣтъ,  
Въ сумрачной дали небесъ,  
Первые лучи зажжешь  
И осыплешь блескомъ лѣсъ.

Насъ никто не примѣчалъ;  
Зависти коварный взглядъ  
Въ шайну сѣнь не проникалъ;  
Въ сладость не вливался ядъ. . .

Мракъ таинственный древесъ,  
И молчаніе вокругъ,  
И спокойный взоръ небесъ —  
Намъ свидѣтели, мой другъ:

Какъ любовь была чиста!  
Мы хранили святость узъ;  
Нѣжность, сердца простоша  
Укрѣпляли нашъ союзъ.

Помнишь ли, какъ подвигалась  
Буря, шумъ и спонъ кругомъ;  
Туча грозная неслаась —  
И надъ нами грянуль громъ! . .

Вспыхнуль дубъ не вдалекѣ!  
Ты дрожащая меня  
Обняла, сказавъ мѣ шокѣ:  
„Не одна погибну я!“ . . .



Вотъ та яблонь, потъ ручей,  
Гдѣ съ тобой я часто былъ,  
Съ бѣлыя руки швоей  
Въ жаждѣ чисту воду пилъ.

Рай въ твоихъ я зрѣлъ очакъ;  
Говорили мы безъ словъ —  
И чертили на древахъ,  
Что внушала намъ любовь.

Но когда завистный рокъ  
Насъ, Алина, разлучилъ; —  
Безразсудный пастушокъ  
Съ дровъ черты всѣ истребилъ;

Роща чащей заросла;  
Твой исчезъ въ долинѣ слѣдъ. . . .  
Токъ остался и древа;  
Но тебя, Алина, нѣтъ! . . . .

*А. Складовскій.*

---

Воспоминаніе.

Съ бышрымъ времени полетомъ,  
Юность дней моихъ прошла; —  
И какъ роза вянешъ лѣтомъ,  
Такъ увяла и она!

Счастье, радости, забавы —  
Все исчезло вмѣстѣ съ ней;  
И желанье — жить для славы —  
Ужъ не льститъ душѣ моей;

И приходъ весны цвѣшущей,  
И поющихъ птичекъ хоръ,  
Ручеекъ, въ лугу текущій,  
Не прельщаютъ слухъ и зорь.

Нѣтъ желаннаго предмета  
Въ цѣломъ свѣтѣ для меня;  
И друзей моихъ привѣта  
Не услышу болѣ я!

Ахъ! я съ тѣми распрощался!  
Коихъ чтилъ, любилъ душой;  
Чѣмъ на свѣшѣ ни прельщался —  
Время унесло съ собой. . .

Мужество провель съ бѣдами,  
Счастья въ мірѣ не видалъ —  
И украдкою съ слезами  
О прошедшемъ воспоминалъ. . .

Разцвѣтеть природа снова,  
Зефиръ вновь все оживитъ;  
Ахъ! лишь возраста младева  
Мнѣ никто не возвратитъ.

Въ грудь мою тоска вѣселилась.  
И томитъ унывій духъ;  
Вѣчность взорамъ ужъ открылась,  
Шепчетъ смерть: *отжилъ*—мнѣ въ слухъ!

Я умру — къ могилѣ тѣсной;  
Дружба не придетъ грустить. . .  
Будто странникъ неизвѣстной,  
Въ гробъ мрачномъ буду скрытъ.

Вѣтръ повѣетъ надъ могилой;  
Воронъ — ночи стражъ — на крестъ,  
Сядетъ, огласитъ уныло  
Тишину окрестныхъ мѣстъ. . .

*Алексѣй Карасевъ.*

---



Сонетъ.

(Подражаніе Бюргеру.)

Смотрюль на край небесъ съ сердеч-  
ною шоскою,

Когда онъ алою зарей воспламенень —  
За вздохомъ вздохъ, слеза стремится за-  
слезою. . . .

Въ семь блескъ та живешь, которой я  
лишень!

Лишь вечеръ тонкою подернеть небо  
мглою —

Востокъ Авророю бываетъ восхищенъ :  
А я съ Надиною лишь мыслю одною  
Въ обихели шѣней видашься осужденъ!...

Ты, таня! ты въ старости не встрѣ-  
тишь часъ унылой:

Въ тебя восторги льешь огонь розовыхъ  
ланишь

Супруги молодой швоей и вѣчно милой....

А я, огонь звѣздъ еще по небу былъ  
разлишь, —

День не смѣнилъ еще безмолвной, крош-  
кой ночи —

Увы! прелестная на вѣкъ сомкнула очи...

Н. Савостьяновъ.

Умѣренность.

(Вольное подражаніе Горацію.)

Не всегда счастливъ бываетъ,  
Кто на высотѣ стоитъ;  
Тотъ счастливѣй можетъ быть,  
Кто средину избираетъ.

Тотъ не знаетъ огорченій,  
Безпокойствъ, заботъ, —  
Но въ смиреніи живётъ,  
Средь утѣхъ и восхищеній.

Часто дубы горделивы  
Поражаетъ вихорь, громъ,  
И высокій, твердый холмъ  
Потрясаютъ бурь порывы.

Часто такъ опасно счастье,  
Но несносна и бѣда;  
Такъ средина завсегда  
Лучше въ вѣдро и въ ненастье.

Если буря насъ застанетъ,  
Въ слѣдъ пойдушь бѣды бѣдамъ —  
Здѣсь ронять не должно намъ:  
Буря скоро перешанетъ.

Не всегда зима природу  
Тягошитъ въ своихъ цѣпяхъ;  
Но при майскихъ, ясныхъ дняхъ  
Все приемлетъ вновь свободу.

Еслижъ счастье улыбнется,  
Щедро всѣмъ насъ наградитъ —  
Здѣсь не должно позабыть,  
Что и счастье минется.

*Н. Петровскій.*

---



Ц в ѣ т о к ъ .

Цвѣтокъ прелестной голубой,  
Развившійся уединенно  
Подъ сѣнью тополя густой  
Въ долинѣ тихой, отдаленной!

Какъ : миль душѣ твоей скромной  
видѣ!  
Какъ жребій твой меня прельщаетъ!  
Токъ чистой близъ тебя журчишь  
И вокругъ прохладу разливаешь.

Головкой нѣжною склоняясь,  
Цвѣтешь ты надъ его струями, —  
И въ нихъ со стеблемъ отражаешься,  
Трепещешь въ радости листками. . .

Любимецъ розы — вѣшеровъ  
Тебя украдкою ласкаетъ;  
Эфирный жишель — мотылёкъ,  
Рѣзвясь, вокругъ тебя порхаетъ:

То на росистомъ тразѣ коврѣ,  
Гдѣ свѣтитъ лучъ златой, небесной, —  
То на прозрачномъ водѣ стеклѣ  
Рисуешь образъ свой прелестной. . .

И вдругъ тебя, цвѣточикъ мой,  
Обнявши крыльями златыми,  
Сливаетъ блескъ эмальной свой  
Съ листками свѣтло голубыми.

Когдажъ съ пурпуровыхъ небесъ  
Сквозь легки ушренни туманы,  
Сквозь зелень нѣжную древесъ  
Лучъ спустится къ тебѣ румяный —

И на листкахъ твоихъ зажжешь  
Перловыя Авроры слёзы; —

Тогда, мой несравненный цвѣтъ,  
Что прелестъ предъ тобою розы,

И что другихъ цвѣтовъ краса,  
Со всѣмъ убранствомъ, пестрою? . .

Тебя благія небеса  
Одеждой облекли простою; —

Но ты изображенъ ихъ:

Ты скромно, какъ онѣ, сіяешь;

Таковъ же цвѣтъ листовъ твоихъ,  
И, какъ онѣ, меня плѣняешь.

Цвѣти же дорогой цвѣтокъ  
И взоръ мой услаждай собою,

Пока тебя зависный рокъ  
Не пронуль хищною рукою!

Увы! пора твоя пройдетъ —  
Подуетъ вѣтеръ полуночи,  
И боръ дремучій потрясешь, —  
И дрогнутъ устрашенны рощи. . .

Уныло вѣтви зашумятъ, —  
Твой рушится пріютъ смиренный;  
Твои листочки облетятъ,  
Изсохнешъ стебель преклоненный! . . .

Но время грозное минешь —  
Изъ праха вновь ты возродишься;  
Опять увидишь милой свѣтъ,  
Весны дыханьемъ насладишься. . .

Но возвратятсяль прежнихъ дней  
Мои всѣ радости, желанья?  
Воскреснутъ ли въ душѣ моей  
Съ надеждой сладкія мечтанья? . . .

Кто муки сердца усладитъ? . . .  
Ахъ! можешь быть, цвѣтокъ мой милой,  
Тебя день юный озаритъ  
Надъ хладною моею могилой! . . .

*А. Складовскій.*

---



ЖѢ Ручью.

(Изъ Нарушевича.)

Прелестный ручеекъ, текущій дровъ подѣ  
сѣнью!

Во многомъ сходенъ я съ тобой:—  
Ты къ морю бѣгъ стремишь по одному  
склоненью:

Я склонностью всегда влекусь одной.

Твое журчаніе мой нѣжно слухъ ласкаетъ;  
Ты не шумишь между стремнинъ:  
Я грусти полнъ — она мнѣ сердце изсу-  
шаетъ —

Вздохнуль когда — то слышишь Богъ  
одинъ! . .

Рѣкъ множество земли на лонѣ протекаетъ;

Но ты свѣтлѣй, прозрачнѣй ихъ:

И огонь, который мнѣ въ глубь сердца  
проникаетъ,

Чистъ, какъ серебро блестящихъ струй  
твоихъ.

Моряль взволнуетъ вихрь, — въ дубравѣ  
шихъ сѣнистой,

Веселой льешься ты струей:

И я — коварноею измѣнишь счастье —  
вѣ чистой

Лишь совѣсти пріюти имѣю свой...

Склонясь, глядитъ Нарциссъ на образъ  
свой прекрасной,

Любуясь имъ въ своемъ стеклѣ:

И я всего себя въ моемъ зрю сердцѣ ясно,

Но постояннѣй, нежели въ водѣ.

Стремленіе водъ твоихъ долинъ не по-  
топляетъ,

Но жизнь на нихъ съ прохладой  
льется:

Порывъ моихъ страстей другихъ не увле-  
каетъ, —

Въ словахъ моихъ и въ сердцѣ яду  
нѣтъ.

Какъ на поверхности, денницей озаренной,

Такъ видно все въ тебѣ на днѣ:

Такъ можно всякому желаніе сокровенно

Чистая моей души во глубинѣ.

*А. Складовскій.*

---

Къ Розѣ.

Давноль прелестная любимица весны—  
Подъ сѣною рощицы здѣсь роза разцвѣ-  
шала,  
Не зная мрачныхъ бурь, ни грусти, ни  
поски,  
Однимъ веселіемъ и нѣгою дышала?

Сіялъ ли юный день — и рѣзвый мо-  
шылѣкъ  
Уже вокругъ нея кружился и вилаетъ;  
И тихо утренній, проснувшись, вѣтерокъ  
На легкомъ сшебелькѣ прелестную ка-  
чаетъ.

Всегда вокругъ нея веселою толпой  
То пчелка юная съ листочковъ медъ сби-  
раетъ,  
То въ полдень въ тишинѣ кузнечикъ зо-  
лошой  
Прильнувши на листкѣ багряномъ опды-  
хаетъ.

А вечеромъ, когда ярчѣй листокъ бле-  
ститъ,  
Тихонько золошотъ прелестнымъ опливая,



Въ зеленомъ панцырѣ на немъ жучокъ сидишь,—  
И роза перлами росы горитъ, сверкая.

Но долголь суждено такъ розѣ юной  
цвѣсть?  
Уви! здѣсь счастье на мигъ, какъ сна меч-  
танье!  
Повѣяль вѣтерокъ — и розы алой нѣшь,  
И улещало съ ней любви очарованье. . .

Все пусто вокругъ нея; ничто не ве-  
селитъ —  
И рѣзвый мотылекъ уже не залезаетъ,  
И пчелка не жужжитъ; одинъ лишь вѣтеръ  
шумитъ  
И листики ея увядши обрываетъ. . .

Эрминія! и ты, какъ роза, отцвѣтешь.  
Спѣшижь на утрѣ дней весельемъ насла-  
дишься;  
Оно пройдетъ — и ты его ужъ не найдешь,  
И счастье прежнее къ тебѣ не возвра-  
титъ!

И. Золотаревъ.

---

Рожденіе Розы.

(Изъ Монкрифа.)

Боговъ избранный роза цвѣтъ;  
Садовъ Амура украшеніе;  
Для Нимфъ милѣ розы нѣтъ;  
Для смертныхъ роза — наслажденье;  
По запаху, красѣ листковъ  
Она царица всѣхъ цвѣтовъ.

Кто не плѣнится, какъ весной  
Она средь луга развернется —  
Зарею — вспрыснута росой? ..  
Печаль, съ ней встрѣтятся, улыбнется. . .  
По запаху, красѣ листковъ  
Она царица всѣхъ цвѣтовъ.

Розъ полныхъ, алыхъ неба сводъ  
Заря цвѣтами усыпаетъ;  
И Грацій тайныхъ блескъ красотъ  
Ткань нѣжная изъ розъ скрываетъ. . .  
По запаху, красѣ листковъ  
Она царица всѣхъ цвѣтовъ.

Завидѣнь, Нимфы, вашъ удѣлъ!  
Цвѣты, вѣнки и рѣзвостъ, пѣнье —

Вотъ кругъ всеневныхъ вашихъ дѣлъ!..  
Узнайте розы въ свѣтъ рожденъе;  
Того, что можете насъ плѣнять,  
Прияшно намъ начало знашь.

Изъ пѣны блещущей валовъ  
Венера вышла несравненна;  
Изъ головы отца боговъ —  
Паллада, броней покровенна!  
Та Трою обратила въ прахъ;  
Паллада вкругъ простерла страхъ!..

Когда подобныя дѣла  
Свершались, свѣта къ удивленью, —  
Природа въ шипиѣ дала  
Жизнь розѣ, смертныхъ къ утѣшенъю.  
Она видъ радости, утѣхъ,  
Любовь Зефировъ, прелестъ всѣхъ!..

*А. Складбескій.*

---



Къ Делію.

(Подражаніе Горацию.)

Сноси въ терпѣннѣи судьбы удары гнѣ-  
вной;  
При счастья не гордись; все, Делій, уле-  
пшъ:  
Мы ничего съ собой въ домъ не возмемъ  
подземной, —  
Минушаго для насъ самъ Зевсъ не воз-  
вратишь.

Течешь ли жизнь швоя въ восторгахъ,  
упоеньи  
Любви и радостей, какъ тихой сладкой  
сонъ, —  
Влачнсьяль средъ заботъ въ мучитель-  
номъ томленн —  
Все въ жертву смерти ты судьбою обрѣ-  
ченъ.

Спѣшижь скорѣй тудя, гдѣ тополь  
горделивый  
Съ младою ивою сплели привѣстну сѣнь, —  
Гдѣ тихимъ шопотомъ листовъ Зефиръ  
игривый,  
Ручей журчаніемъ наводяшь нѣгу, лѣнь.

Неси твуда вино — сей даръ боговъ  
безцѣнный

И розы свѣжія, прельщающи красой;  
И да веселія соупутникъ несравненный —  
Стыдливая любовь придетъ твуда съ тобой.

Не упускай минутъ веселья скоро-  
печныхъ,  
Доколѣ жизнь твою безсмертныя храняшь;  
О Делій! все минетъ. . . и мы съ тобой  
не вѣчны!  
Какъ вихрь, дни, мѣсяцы и годы улетяшь...

Смотри, какъ времени невидимо те-  
ченье  
Дни юности твоей въ даль отъ тебя не-  
сешь;  
И непримѣнно вѣкъ пройдетъ; какъ сно-  
видѣнье,  
Исчезнетъ все, чѣмъ здѣсь душа твоя  
живешь.

Ударитъ часъ — прости и сѣнь, и  
лугъ съ стадами,  
Гдѣ скромный домикъ твой въ стеклѣ  
глядится водъ,

Гдѣ величавый Тибръ между береговъ спру-  
ями  
Злашыми капишся — все смерть опъ насъ  
возмешь.

Твой рабъ, клянуцій жизнь среди  
шудовъ, спраданья,  
И счастья баловень, взлелѣянный судьбой,  
Чья жизнь въ веселїи, какъ сонъ очаро-  
ванья,  
Течеть — всѣ къ Оркусу придуть стезей  
одной.

Такъ, въ урнѣ жребїи нашъ хранится  
сокровенной;  
И парка мрачная всегда сидитъ надъ ней  
И жребїи беретъ. . . лишъ вынетъ чей —  
мгновенно  
Харонъ чрезъ мрачный Стиксъ примчиш-  
ся къ нимъ съ ладбей.

*И. Золотаревъ.*

---



Н о т ъ.

(Подражаніе Берни.)

По скашу низкому холмовъ  
Низходящъ тѣни съ горъ высокихъ;  
Прозрачный спелется покровъ  
На доль, на сѣнь добравъ далѣкихъ.  
Съ полей пылающія къ струямъ  
Спада, при звукѣ рога, мчатся;  
И низки кровли — по брегамъ  
Разсыпанны — селянъ дымящся.  
Сѣнистой рощи въ глубинѣ,  
Внутрь хижинки уединенной,  
Вѣкъ проводя свой въ тишинѣ,  
Съ Бавкидой Филемонъ смиренной  
Наслѣдственный свѣтильникъ свой,  
Съ моливой тайной, возжигаетъ; —  
И пламень, тихою струей  
Вѣясь, столь вѣшій освѣщаетъ,  
Заспанный пеленой простой, —  
За коимъ боги возсѣдали,  
Плоды земные, хлѣбъ съ водой,  
Съ улыбкой радости вкушали. . .  
На склонѣ западныхъ небесъ  
Вечерній факель догораетъ;

Вершины зыбкія древесъ  
Послѣднимъ блескомъ осыпаетъ.

Лучъ, отразясь, съ чела холмовъ  
Слетѣлъ къ кустарникамъ кудрявымъ,  
Скользнулъ по зелени луговъ —

И слился съ сумракомъ дубравнымъ. . .

И, мглой покрывъ, чуть свѣшитъ шокъ  
Сквозь вѣтви ивъ, надъ нимъ склоненны;

Въ глуши чуть брежетъ огонёкъ,  
Рукой опшелъника возженный.

И тихо, мрачно все кругомъ. . .

Глухая ночь — короной звѣздной

Съ увѣнчаннымъ спѣшитъ челомъ;

Взоръ пасмурень; въ рукѣ — желѣзной

Поблеклымъ макомъ скиптръ обвѣсть;—

Въ агапной сидя колесницѣ,

Гдѣ яхонтъ и сапфиръ блеснитъ,

Сновъ правитъ тихою саницей. . .

Изъ сумрака, изъ звѣздъ, планешь

Сотканны ризы разстилаешь;

И по лазури темной цвѣтъ

Въ спокойномъ небѣ разливаетъ. . .

Амуръ, прельщенный темнотою,

На крыльяхъ нѣжнаго Зефира,

Улѣтъ таинственныхъ съ толпой,

На доль спускается съ эфира. . .

О Цинтїя — Поэтовъ другъ!  
Взойди надъ дальнимъ , тихимъ боромъ!  
Влей нову жизнь въ мой томной духъ;  
Роди мечты унылымъ взоромъ! . .  
Сквозь флеръ мерцающимъ лучемъ  
Ликъ мрачный освѣти природы, —  
И блещущимъ осыпъ серебромъ  
На лонѣ луга спящи воды! . .

*А. Склабовскій.*

---



Ут ро.

(Подражаніе Берни.)

На небѣ блѣднѣть  
Огнь далекихъ звѣздъ;  
Надъ холмомъ алѣетъ  
Молодой разсвѣтъ,  
Въ токѣ глядѣсь прозрачный.  
Ночь покровъ свой мрачный,  
По полямъ, лугамъ  
Распростертъ, свиваетъ, —  
Скрывъся поспѣшаетъ  
Къ западнымъ холмамъ. . .  
Изъ дубравнымъ сѣней,  
Съ водъ, съ долинь, съ полей  
Пошянулись тѣни,  
Тихо вслѣдъ за ней,  
Чрезъ закашъ шуманный. . .  
Юный день, румяный  
Въ новой путь летитъ,  
Свѣшель, полнъ веселья.  
Отъ его возрѣнья  
Ночи дочь бѣжитъ —  
Кроткое молчанье. . .  
Водъ въ брегахъ журчанье,  
Пѣнье пшницъ въ лѣсахъ,  
Сладкой шумъ въ дубровѣ! . .

На лазурномъ кровѣ,  
Въ розовыхъ лучахъ,  
Юная Аврора:  
Пламень — цвѣтъ ланишь;  
Въ ясныхъ, крошкихъ взорахъ  
Огнь любви горитъ. . .  
И врата пылаютъ  
Пурпурныхъ небесъ,  
Блескомъ осынаютъ  
Холмъ, пошохъ и лѣсъ.  
Въ темной колесницѣ  
Сновъ отецъ — Морфей,  
Хитрый чародѣй,  
Рѣзвою станицей  
Призраковъ влекомъ,  
Маковымъ жезломъ  
Правя, за луною  
Въ новой свѣшъ спѣшитъ. . .  
Вкругъ него толпою,  
Въ цѣнь свѣясь, лепитъ  
Рѣзвый рой мечтаній,  
Сновъ, очарованій. . .  
По коврамъ луговъ,  
Съ розовыхъ цвѣтовъ,  
Съ лиліи душистой,  
Окропленной чистой

Перловой росой,  
Съправки ароматной —  
Легка пчелка свой  
Медъ беретъ прияхной.  
Рѣзвой мотылёкъ  
Сихъ заботъ не знаешь;  
По лугу виляетъ,  
Съправки на цвѣтокъ,  
Съ миршочки на шмины,  
Съ розы на жесмины  
Любитъ прелешать, —  
Всѣ цвѣты лелѣя,  
Нужды не имѣя  
Жизнь изъ нихъ сосать. . .  
Тамъ въ поля орашай  
Тяжкой плугъ тащитъ,  
Жатвою богатой  
Духъ свой веселитъ. . .  
Юная Аглая  
Идетъ, воздыхая,  
Къ берегу — (муравой  
Усланну волнистой,  
Гдѣ потокъ огнистой  
Блещетъ чешуёй) —  
Съ бѣлоруннымъ стадомъ;  
И чего-то взглядомъ



Робкимъ ищетъ вокругъ —  
 Въ немъ желанье зрится. . .  
 Вотъ съ холма стремишься  
 Къ ней сердечный другъ. . .  
 Рощицы веселы  
 Страстной Филомелы  
 Оживляетъ гласъ.  
 Въ глубинѣ пещеры  
 Эхо пробудясь,  
 Вьющейся гедеры  
 Занавѣсъ рукой  
 Тихо открываетъ, —  
 И въ восторгѣ свой  
 Сладкой забываетъ  
 И покой, и сонъ —  
 Взоритъ каждой тонъ!  
 Вотъ ужъ злопогривыхъ,  
 Бурныхъ, горделивыхъ,  
 Пламень изъ ноздрей  
 Пышущихъ, коней  
 Фебъ — простясь съ зарею —  
 Правитъ въ небеса. . .  
 Свѣшлые власа  
 Яркую струею  
 Изъ - подъ золотой  
 Сынаются короны; —

Какъ шумящи волны,  
Съ пламенныхъ колесъ  
По полямъ небесъ  
Блескъ пурпурный льется;  
Тонкая вокругъ вьется  
Пыль изъ-подъ копытъ! . .  
Тихой доль съ холмами,  
Рощами, водами  
Воложомъ облисть! . .

*А. Склабовскій.*

*Старость.*

Закашъ огнями розъ край неба осыпаетъ,  
И холмы, и лѣса улыбкою дарить,  
И тихо на одрѣ онъ ночи угасаетъ:  
О старость мудраго! се твой священ-  
ный видъ!

*Н. Савостьяновъ.*

---

*Счастливое знакомство.*

(Подражаніе.)

Богиня счастья Минервѣ говорила:  
Сестрица милая, ты знаешь: дочь моя  
Мила, прелестна, — въ ней природа съ-  
единила  
Всѣ прелести въ одно. Богатства у меня  
Для ней, благодаря Зевесу, также много;  
Заботы объ одномъ:  
Какъ сдѣлать счастливой?.. „Недолго!  
Ты съ добродѣтелью ее лишь познакомь.“  
Минерва отвѣчала.

*Ив. Гонорскій.*

---



Путешественникъ.

Пушникъ, старостью согбенный,  
Оставляя край родной,  
Путь свершаешь отдаленный,  
Предназначенный судьбой.  
Онъ идетъ — мѣста опасны  
Обрѣтаетъ взоръ его;  
Бездны, пропасти ужасны  
Тамъ зѣяють вкругъ него.  
Вдругъ онъ видитъ — за клубились  
Тучи грозны въ небесахъ;  
Слышишь — съ прескомъ повшорились  
Громы въ безднахъ и горахъ;  
Вьются молнии, тучи рдѣють,  
Съ вѣтромъ дождь лѣясь шумитъ;  
Силы пушника слабѣють —  
Пушникъ въ ужасѣ, дрожитъ. . .  
Въ лѣсѣль хочетъ пріютиться?  
Звѣри рыщутъ передъ нимъ;  
Пушь загложшій становится  
Въ чащѣ лѣса невидимъ.  
Бури, рѣки и стремнины —  
Все претяшшвуешь ипши;  
Рѣдко злачныя долины  
Онъ встрѣчаешь на пуши.

Многошрудный путь кончается;  
Зрится радость на челѣ;  
И въ отчизнѣ отдыхаетъ —  
Милой сердцу сторонѣ. . .  
Вопъ путь жизни скоропечной,  
По которому идетъ  
Смертный къ жизни безконечной,  
Гдѣ его награда ждетъ! . . . .

*А. Карасевъ.*

---

*Прохожій и Потокъ.*

(Подражаніе Карпинскому.)

Упративъ съ милою блаженства нѣжный  
цвѣтъ, —

Всѣ прелести приманчивой надежды,  
Дамонъ, снѣдаемый тоскою, слезы льетъ —

И сладость сна давно забыли вѣжды..

Сердечной грусти съ нимъ никто не раз-  
дѣлялъ, —

Никто его не услаждалъ спраданья;  
Чувствительность его всякъ слабостью  
щиталъ; —

Омѣтъ его былъ вмѣсто оправданья:

Влекумы склонностью одной два ручейка,  
Смѣшавъ струи, съ весельемъ вдаль  
кашились;

Блескъ утра, свѣтлый день сквозь тон-  
ки облака —

И мѣсяцъ въ нихъ, и звѣздъ огни свѣ-  
тилися.

Имъ улыбались: зеленый, ровный брегъ,  
Цвѣтущій лугъ, веселая долина;



Тамъ скалы мшистыя стѣсняли бы-  
стрый бѣгъ,  
Здѣсь нѣжила на лонѣ ихъ равнина.

И рощи тихія, умильно въ нихъ глядясь,  
Сѣнистою главою помавали;  
Злашые мотыльки, съ зефирами рѣзвясь,  
Надъ ясною поверхностью летали.

Пусть вихорь иногда ихъ воды волноваль,  
И зной сушиль, пески ихъ поглощали;  
Пусть камни и древа, опорванны отъ  
скаль,

Изъ береговъ собой ихъ вытѣсняли;—

Но не могло ничто союзъ ихъ разорвать,  
Опасностью взаимной укрѣпленный...  
Одно желанье въ нихъ: свой вмѣстѣ бѣгъ  
скончать,

Волнами бывъ морскими поглощенны.  
Прелесный сонъ!.. увы! что вѣчно подъ  
луной?

Безъ грусти нѣтъ въ семь мѣрѣ на-  
слажденья!..

Разрушить ихъ мечты назначено судь-  
бой —

И грозной врагъ ихъ встрѣнилъ средь  
теченья! —

Гранишовой упесъ — вѣковъ минувшихъ  
сынъ,

Вооруженъ сполѣшними дубами,  
Чело въ шуманѣ скрывъ, — сразился ис-  
полинъ

Съ шумящими у ногъ его ручьями...

Тиранъ безжалостной! — онъ разлучилъ  
друзей. . .

Одинъ въ странѣ угрюмой опустѣлой—  
Въ даль пробираясь межъ грудами кремней,  
Древъ по корнямъ— шумишь осирошѣ-  
лой! . .

Лишь эхо смутное печальной гласъ его  
Въ окрестности уныло повторяетъ.  
Вотъ пушникъ отдохнувъ склонился  
близъ него —

И съ грустїю, съ досадою вопрошаешь:

„Почто, шумящій токъ! не льешься въ ши-  
шинъ?

Почто въ брега кремнистые плес-  
каешь?

Ты не разторгнешь ихъ! . . твой шумъ  
несносенъ мнѣ: —

Ты имъ покой мой сладкой нару-  
шаешь!“ —

— Какъ ропотъ твой неправъ! — потокъ  
ему въ отвѣтъ —

Утративъ то, что всей любилъ ду-  
шою,

Лзяль не стенать? . . увы! со мною дру-  
га нѣтъ:

Онъ отдѣленъ сей грозною скалою!..

— Не слышишь ли, какъ онъ уныло тамъ  
шумитъ? . .

О путникъ! продолжай твое теченье;  
Что разъ здѣсь полюбилъ — молися — да  
хранить

То для тебя святое Провидѣнье! . .

*А. Славовскій.*

---





Тамъ — на коврѣ долинь — волшебныхъ  
струнь игрою  
Богъ свѣта—Аполлонъ твой нѣжный слухъ  
плѣнилъ  
И очарованну сномъ тихимъ усыпилъ.  
Плѣненный прелестью красавицы спыд-  
ливой,  
Онъ тайной сладостью любви неизъясни-  
мой  
Умножилъ сладость сна. — И Риѣмы —  
двухъ божковъ,  
Плодь тайныя любви — въ священ-  
ну сѣнь лѣсовъ  
ПарнаССкой высоты принесъ съ собой  
безвѣстныхъ,  
И Музамъ поручилъ воспитывать пре-  
лестныхъ.

Малюшки выросли; вокругъ порхаютъ,  
рѣзвясъ;  
Изъ рукъ, ихъ нѣжившихъ доселѣ, сво-  
бодясъ —  
Неблагодарные! по волѣ жить хотѣли —  
Спорхнули съ высоты, надъ Цадомъ по-  
летѣли,  
Чуть вѣя крылышкомъ надъ быстрою  
рѣкой...

Одна, укрившись въ сѣнь рощицы гу-  
стой —

Гдѣ вѣетъ вѣтерокъ, чуть вѣточки качая,  
И тихо шелеститъ листки перебирая —  
Тамъ лилій, розъ молодыхъ колебля сте-  
бельки,

Ласкаетъ, рѣзвая, прелестные цвѣтки,  
Листочки пополей и шравки благовонны.  
Другая, прелетѣвъ шумяци Пада волны,  
Сокрылась на другомъ берегу межъ ди-  
кихъ скалъ —

Гдѣ росъ лишь мохъ сѣдой въ ущельяхъ  
вѣпръ свисталь; —

Но, дружество храня, всѣ пѣсни по-  
впоряешь,

Какія первая пѣть въ рощѣ начинаешь...

Но скучно все одной рѣки жить на  
берегахъ.

Онѣ хотѣли бытъ во всѣхъ земли странахъ;  
Вспорхнули... То порой суровый посѣщая  
Германновъ край; лѣса, вершины прелетая,  
Черезъ Альпы грозныя полетъ склоняющъ  
свой;

Тамъ свѣтлостью воды и берега красотой  
Женевы, озера глубокаго, плѣненны,  
Спустились ошдохнуть на берегъ, упо-  
менны; —



И мирнымъ сдѣлался жилищемъ ихъ  
Ферней. . .

Тамъ слухъ плѣняющей гармоніей своей  
Полѣвка шихую окрестность оглашали,—  
И старца славою Фернейскаго вѣнчали. . .  
То по другимъ кружась вселенныя спра-  
намъ,

Порою залезая къ шумянымъ берегамъ  
Холмами дикими вѣнчанна Албіона;  
С гласіемъ своимъ, приятностію звона  
Британцевъ выговоръ и грубый ихъ языкъ  
Смягчая, Бардовъ ихъ воспламеняють  
ликъ,

Однообразные ихъ Гимны украшаютъ,  
Приятность въ мрачные порывы ихъ вли-  
ваютъ.

Или въ отечество Сарматовъ полетаятъ:  
Съ Красицкимъ иногда — любящимъ Музъ  
звѣняятъ

На ларѣ золотой, — съ нимъ рѣзняшся,  
порхая —

И съѣсть въ концѣ стиховъ прекрасныхъ  
послѣшая. . .

То въ хладной Руской край свой устре-  
мятъ полетъ, —

Чтобъ съ Ломоносовымъ Елисавету пѣть;

Иль Оду: Богъ — съ Пѣвцомъ *Фелицы*  
вдохновеннымъ;  
Иль нѣжись съ младымъ Поэтомъ не-  
сравненнымъ, —  
*Тиртеемъ* нашихъ дней, *Свѣтланъ*, *Люд-*  
*милъ* творцомъ; —  
Иль смерти *Тассовой* съ чувствительнымъ  
Пѣвцомъ.

*А. Склабовскій.*











